

Гарник КАГРАМАНЯН

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Переводы с армянского Льва Вертгейма

Сейрану Титаняну

Во время той болезни
Жену спросил ты тихо:
«Куда пропал он, Эмма,
Друг детства моего?»

Когда домой вернулся,
Уже вас не застал я –
Нет ни тебя Сейрана,
Ни Эммы, ни детства нашего...

С Севаком

Я рядом с великим Севаком
Сидел за столом у него.
Он «хаш» предложил мне, однако
Вдруг кашель стал мучить его.

Мне было так жалко поэта,
Когда его кашель душил.
«Ты кушай твой «хаш», – только это
Он в кашле кричал от души.

Страдал я, терпел и стеснялся.
«Что сделать могу для него?»
Поэта спасти я пытался,
Но спас лишь улыбку его...

Простой покупатель

Чтоб легче жить, не нужен пот,
Не надо жить трудом,
Но надо знать, кто вверх идёт,
В какой быть вхожим дом.

Владельцы жизни всей,
Давно хозяева всего –
Искать лишь выгод стали в ней
И больше ничего.

А нынче каждый выгод ждёт,
Хоть подлости ценой,
А кто забудет это, тот –
Навек клиент простой....

Ф. Тютчеву

Всегда с любовью открою
Я твою книгу, поэт, –
С тобою скучаю, печалюсь
И разговариваю с тобой.

Твои молодые дни
Прошли в чужой стране,
Ты много душевных болей
Пережил со стороны.

По судьбе мы похожи чуть,
Но сердце моё обиженное
О каменный путь разбилось.
Если бы тело моё осталось в Сибири...

Не было бы лишним,
Что могила одна новая
На моей родной земле
Тихо поднималась бы...

14.05.2015, Новосибирск

* * *

Сколь он нежен,
Столь и слаб.
В слове свят,
А в сердце – яд.

От творений
Пользы – ноль.
В мыслях – гений,
В жизни – моль.

Почему же до сих пор
Цвет твоих не знаю глаз?
22.06.2014

Ты как лучик

Никогда не забыть мне последний
Взгляд прощальный и лик твой в окне.
А с душой – необъятной Вселенной –
Ты нужна только мне, только мне.

Но была ли ты вправду моею,
Или я ошибался, любя?
Мне казалось – никто не посмеет,
Как разбойник, похитить тебя.

Если даже тебя потеряю,
«Ты моя» – повторю много раз.
Ты как лучик последний сияешь
Для моих угасающих глаз.

Ручеёк моего детства

Звонкий детства ручеёк
Больше звать к себе не смог..
Стал он вдруг как сон безмолвный
На моей дороге тёмной.

Потерял он голос свой –
Детства ручеёк родной...
И глаза мои в тумане,
Песней больше он не станет...

21.06.2014

* * *

Ручеёк
Течёт,
Звучит...
говорит...
Говорит
И зовёт,
Зовёт...
И бежит,
бежит
И – ах! –
Исчезает
В кустах...

22.06.2014

Родное село

Облако седое
Весь накрыло склон.
Там село родное –
Мой зелёный сон.

В древних гор объятых
Мирно дремлешь ты.
Там дорога к счастью,
Там души цветы.

То глаза откроешь –
Неба синий круг,
Улыбнутся кровли;
То исчезнешь вдруг.

То, раскинув руки,
Позовёшь – приди!
Чтобы слышал крики
От твоей любви ...

Облако седое
Весь накрыло склон.
Там село родное –
Мой зелёный сон.

После смерти

Бедного сыночка
Грустно ты звала:
«Где же ты, сиротка –
Жизнь, любовь моя?»

После смерти мамы
Понял, наконец,
В чём он – смысл жизни,
Что нам дал Творец ...
22.06.2014

Злых – мало

Злость откуда?
От корысти.
А от злости – клевета...
Как же нам достичь покоя?
Как избавиться от боли?
Мир спасает доброта!
Добрых – много,
Мало злых,
Но весь мир
Во власти их ...

В воспоминаниях

Бабушку я вспомнил –
добрый, светлый образ
В памяти как в дымке
нежно-голубой ...
«Возвращайся, внучек,
поздно, ах как поздно!
Поиграешь завтра,
приходи, родной!»

Голос вспоминаю –
тихо сердце плачет...
Бабушка под чёрным
покрывалом спит ...
Сколько лет минуло ...
Я давно не мальчик,
Но в ушах твой голос
всё ещё звучит ...

Четвёртая жизнь

Четыре тяжёлые жизни я прожил,
Сиротство моё – это первая жизнь:
Груз в сердце, на горькую сладость похожий;
Детство голодное – «парень, держись!»

Юность – как будто бы жизнь вторая.
«Подняться бы выше седых облаков!»

Оставил покой деревенского края,
Пошёл по дороге тернистой из слов.

И вот уж я в городе – суетном, шумном;
В дырявом кармане копеечек нет.
И сноб тут явился с избитою шуткой:
«Эй ты, деревенщина, сколь тебе лет?»

Ответил я: «Слушай, мой друг горожанин,
Когда был основан Одзун мой родной,
На месте вот этом песок был и камень.
Свидетель мой – крест Патриарха святой».

Ещё одна жизнь - суть старания, проза,
Волнения, дороги и счастья лишь миг,
И чувств угасанье, и старости слёзы,
И в жизни последний, прощальный мой крик.

Четвёртая жизнь – если только случится –
В памяти все оживают года...
Но кажется вдруг: всё равно, безразлично –
Жил на земле иль не жил никогда ...

Поэты

Поэты творили и пели
Всю жизнь и на самом краю,
Но всё ж написать не успели
Последнюю песню свою.

И песню прощальную эту
Любимой назвали они,
Но нет – не увидела света,
Поэтов закончились дни.

Мне тоже всё время казалось,
Что лучшую – в будущем спеть.
Но жизнь быстро ланью промчалась,
Теперь уже вряд ли успеть.

Новосибирску

Я пью твою воду
Больше двадцати лет,
В объятиях добрых
Святой я кушаю хлеб.

Но к солнцу стремится,
В Армении сердце моё.
В сибирской столице
Всё длится и длится житьё.

Становится злоба
В конце всегда добротой.
И боли слабеют,
В душе наступает покой.

Защитником новым ты стал,
Новосибирск.
Мою обогрел, приласкал
Разбитую жизнь.

Сын я твой сводный, город.
Бывает порой –
Приносит матери горе
Сыночек родной.

Хоть сын неродной,
К тебе так привязан я:
Чужим назовёшь –

Тоска захлестнёт меня.

В конце света дня

Не слышно бабочек – затих тончайший шорох,
И нежных крылышек умолк смиренный глас.
Прощальный танец видел я – он был недолог,
И вместе с лучиком последним он погас.

Светлая звезда

Из тьмы крошечной вышла
И поднялась неслышно
Звезда.
И путь её небесный
Сиял волшебным блеском
Она
Лучами приласкала
И облака, и скалы,
И снег.
Во тьме звезда родилась
И в свете растворилась
Навек...

Крик крови

В моей фамилии "Каграманян"
Лишь окончанье мне досталось от армян,
А корень слова – от персидского "герой",
И мне сражаться предназначено судьбой!

И на земле я не один Каграманян –
Однофамильцев очень много у меня,
Но что мне слово – есть других немало слов,
Но слышу ясно я святейшей крови зов.

Звучащий голос – он не зов ещё, не мысль,
В надежду зов мой поскорее превратись!
Каким бы словом ни назвал тебя язык,
Есть лучший признак – это крови древней крик.

Жертва и брак

Кого увековечат – кто чище и умней?
Нет – тех людей, которые наглее и шумней.
И взгляд их неприятен, и ум у них пустой,
Но книг насочиняли не меньше, чем Толстой...

... Так кто же он – писатель?
Чужих ли мыслей вор?
Но даже слов красивых
весь чёрный стал набор.
Поймав, как флюгер, ветер и новой жизни
строй,

Он цели достигает своею пустотой.

С другими цепью связан, а в книгах –
штампы лжи,
И радость в форме хрипов,
и домислов нажим...
А знаешь ли ты твёрдо, кто друг твой
и кто враг?
И чьи творенья – жертва,
а чьи творенья – брак?